

Гость виллы «Трёх слонов»

«Не спится ветру,
Нет ему покоя...»

Людмила Татьяничева

Отгрохотали последние залпы орудий по рейхстагу. Улеглась пыль над руинами Берлина, и в чистом небе над поверженным логовом фашизма взвилось Красное знамя Победы. В том же 1945 году завершилась скоротечная для нас война с империалистической Японией. Понемногу наши солдаты и офицеры стали возвращаться домой. Вместе со всеми ехал и мой земляк Сергей Иванович Саржин. Но не с фронта, на котором он был в начале войны, а из Грузии, где работал на одном из заводов и куда он попал, возвращаясь из далёкой Италии окольным путём, через Каир — столицу тогдашнего феодального Египта.

Подробнее о судьбе этого человека я узнал уже много лет спустя, после того, как прочитал в газете «Известия» два очерка — «Утро после расстрела» и «Тайна виллы „Трёх слонов“». В них рассказывалось о смелых операциях трёх советских партизанских отрядов, действовавших в 1943—1944 годах в предместьях Рима. Созданы они были по инициативе итальянских коммунистов, при посредничестве бывшего русского эмигранта, уроженца города Киева Алексея Николаевича Флейшера, служившего в те годы слугой-сервировщиком в Таиландском посольстве. Кстати, у него было ещё два имени: итальянцы называли его на свой лад — Алессио, а советские военнопленные — Червонный.

В ночь с 23 на 24 октября 1943 года они организуют первый побег четырнадцати советских военнопленных из фашистского лагеря в Монтеротондо. В числе этих смелых и решительных людей были санинструктор Алексей Коляскин и ефрейтор Анатолий Тарасенко, воентехник Пётр Конопелько, все впоследствии командовавшие партизанскими отрядами, и Сергей Саржин, житель деревни Жупеево нашего района.

И вот я со своим постоянным в то время спутником «Репортёром-2» сижу с Сергеем Ивановичем и его женой Анной Ивановной в его доме, пьём чай и ведём неторопливый разговор. Тогда ещё глава семейства работал в Гора-Новосельском промкомбинате столяром, вёл большую общественную работу. Несколько лет подряд его избирали депутатом сельского Совета. Сейчас он второй год на пенсии. Ему 62 года. Живут Саржины дружно. У них четверо детей. Все вышли на самостоятельную жизненную дорогу. Правда, младший сын Валентин служит пока ещё в армии, но он закончил до этого Ярославский строительный техникум. Недавно имел отпуск за отличную службу и побывал у родителей.

Впрочем, дети и так часто шлют письма. Не забывают. Сергей Иванович отвечает им тем же. Регулярно он переписывается и со своими друзьями по Италии — с Александром Скороходовым из Тулы, уроженцем города Данилова нашей области, Иваном Логиновым из села Самойловки, что под Саратовым, и Алексеем Коляскиным. Прервалась связь лишь с Алексеем Николаевичем Флейшером. Полтора года назад друзья похоронили его в городе Солнечногорске Московской области, где Флейшер проживал последнее время.

С волнением рассказывает Сергей Иванович о первой встрече после войны с Алексеем Коляскиным, который приезжал к нему в Жупеево. Это была самая трогательная встреча боевых друзей. Она глубоко взволновала и односельчан Саржиных. Тогда двери в их доме, что называется, не закрывались с утра до ночи. С большим интересом люди слушали воспоминания о том, как русским военнопленным удалось бежать из фашистского лагеря, как потом создавали

отряды, громили гитлеровцев на итальянской земле, наконец, какие сами по себе итальянцы, их нравы, обычаи.

— На фронт я ушёл в первые дни войны, — рассказывает С. И. Саржин. — Сражался под Волховом. Немецко-фашистские войска, имевшие тогда преимущество в результате вероломного нападения на нашу Родину, стремительно продвигались в глубь нашей территории. Красная Армия с большим усилием сдерживала их натиск. Наше подразделение, потерявшее связь со своим полком, действовало самостоятельно и не сдавало своего рубежа. Но силы оказались неравными. К тому же мы израсходовали все боеприпасы. Нас окружили и взяли в плен, отвезли в Латвию, разместили там в конюшнях какого-то хозяйства и оцепили лагерь колючей проволокой.

Через несколько дней я и старшина нашей роты Владимир Троцкий договорились бежать. Днём мы приглядели слабое место в проволочных заграждениях, а ночью, проделав лаз, удачно выбрались на свободу...

Бои шли уже далеко на советской земле. И путь двоих беглецов был нелёгким. Полураздетые, разутые и голодные, они ночами, избегая больших дорог, пробирались по захваченной врагом территории на Восток. А с наступлением рассвета отсыпались где-нибудь в лесной чаще или в оврагах. До линии фронта оставалось несколько километров, когда смельчаки были обнаружены и схвачены полевой жандармерией. Снова лагерь, а с ним и каторжные работы по 12—14 часов в сутки.

Но вот однажды лагерь подняли по тревоге. Пленных выстроили на плацу, сделали переключку и маршем погнали на ближайшую железнодорожную станцию. Там военнопленных загнали в товарные вагоны и отправили через всю Европу в Италию.

На одной из станций в северной части страны поезд остановился. Загремели засовы, со скрежетом раздвинулись тяжёлые двери, и люди услышали бранную немецкую речь: «Шнель, руссиш швайн!»

— Отсюда, — рассказывает С. И. Саржин, — нас под конвоем привезли в город Монтеротондо. Подъехали к большому дому: три этажа, а с виду подумаешь, что восемь. Слышали мы, что когда-то он принадлежал Муссолини, главарю итальянских фашистов. Разместили нашу «братию» на третьем этаже, а в первых двух остановились немцы. Каждый день нас водили на станцию грузить в вагоны ящики с какими-то запасными частями. Работали с шести часов утра до семи вечера без перерыва. Переводчик, который руководил погрузкой, никому, даже больным или выздоравливающим после ранений, не давал спуска. Как чуть заминка: «Что, большевик?! Шаг влево, шаг вправо — Гитлер приказал расстреливать!»

— И вот на седьмой день, — продолжает своё повествование Сергей Иванович, — в воскресенье, он приходит и обращается к нам. Раньше-то всё к Коляскину обращался, а тут к нам. Заметно было, что он побаивался его. Тот был человек огромного роста, можно сказать, вот под эту балку, — Саржин взглядом кивнул на потолок. — И, как говорят — косая сажень в плечах. Так вот, приходит этот переводчик и говорит: «Сегодня ваша банда (иначе он и не называл) работает до двенадцати часов, а другая до вечера».

Ну, мы, значит, выстроились во дворе. Нас пересчитали, велели садиться на машины и повезли на станцию. Работаем и замечаем, как между нами нет-нет да и прошмыгнут рогати — это пацаны, сказать по-нашему. Бегают и шепчут по-своему: «Руса, вияленья!.. Руса, вияленья!..» Что такое? Не понимаем. Только позже узнали, что это значит: «Русский, беги!..»

Приглядываемся дальше. Видим, за мальчишками издали наблюдает какой-то человек. Замечали мы его и раньше, но не придавали этому значения. А он, оказывается, и руководил этими пацанами, подсылал их, подготавливая нам побег. После-то мы познакомимся с ним ближе. Это и был Флейшер Алексей Николаевич, которому поначалу мы опасались доверяться. Кто знает, что он собой представляет: может враг, может провокатор? Страна-то Италия всё же против нас воюет.

И вот в первом часу этого воскресного дня привозят нас обратно в лагерь. Глядим, возле ворот полно народу, итальянцы и итальянки угощают нас и немцев едой, вином. А немцы — те норовят взять побольше, кричат на нас: «Шнель! Шнель! Нахаузе!» — стало быть, быстро, домой...

Для Саржина и ещё тринадцати его друзей это был последний день в фашистском лагере. Побег их готовился тщательно. Знали о нём только Коляскин и Тарасенко. Они подбирали для этой цели людей осторожных, смелых и решительных, преданных своей Родине. Коляскин и Тарасенко тайно связались с итальянскими коммунистами через слугу-сервировщика Таиландского посольства — страны, сотрудничавшей в годы войны с фашистской Италией.

Персонал этого посольства не вызывал у немцев особых подозрений. К тому же итальянские коммунисты использовали помещение посольства как временное убежище для освобождённых русских военнопленных. Дело в том, что в 1944 году англо-американские войска наконец-то открыли второй фронт, высадив свой десант на юге Италии, и персонал Таиландского посольства вынужден был ретироваться на север страны, в более безопасное для него место.

Но вот как развёртывались события дальше.

— Я пришёл к себе на третий этаж и уже лёг спать, — говорит Саржин. — В тот день я плохо себя чувствовал. Как вдруг подходят ко мне Саша Скороходов и Василий Межевицкий и говорят: «Серёжа, до свиданья!» — Спрашиваю: «Вы куда? Придёте?» — «Придём», — отвечают. А было это что-то около шести часов вечера. В этот воскресный день у немцев был какой-то большой праздник и они дали себе волю, кутили. Простился с ними и стал уже засыпать, как словно кто-то подтолкнул меня, дескать «вставай!». И в самом деле встал. Пошёл по коридору. Навстречу попадает один из наших парией, Николаем зовут, фамилии его не помню, но знаю, что он из украинцев. Отзывает меня в сторону и говорит:

— Слышал? Двенадцать человек наших убежало! — И перечисляет мне их. А в девять часов у нас проверка, всех считают. Как же, думаю, мне-то быть? Спрашиваю Николая: «Как же они бежали? Где?...» «Спустились, — говорит, — из окна».

Оказывается, сделали они верёвку. Рвали для неё нательное бельё. Кто обмотки скручивал, ремни в ход пустили, верёвки кое-какие раздобыли. Немало всего этого потребовалось, чтобы спуститься с третьего этажа. А позади дома виноградники были, в них и скрылись.

Пока мы говорили с Николаем, подошёл к нам Вася Межевицкий.

Он вернулся за нами от двенадцати бежавших. А на улице ожидал его Василий Простащук.

— Ну как, Сергей, — говорит, — решаешься?

— Решаюсь, — отвечаю. Одеты мы все были в цивильные рубашонки, в ботинки на босую ногу. И всё.

— А где, как бежать?

Говорит:

— Давай лестницей.

— Там же немцы?

— Проскочим.

Верно. Как этаж, так два немца стояли на площадке. Но мы решили перехитрить их. Пьяные они все. Идём, спрашивают:

— Русс, куда?!

Отвечаем жестами, гримасу этакую делаем, дескать, животы разболелись от угощения. Те в хохот, забавно им.

— Ай-яй-яй! Ну, давай!

Пропустили.

Вышли во двор. Видим, танки стоят, а возле них немцы копошатся. Мы за дом, а там виноградниками выбежали на дорогу. Тут нас заметил немецкий патруль.

— Хальт! — кричит. К счастью, немец оказался один. Мы подошли к нему с Васей Межевицким поближе, и откуда ни возьмись Простащук появился. Недолго думая, он ударил немца ножом в шею, а я вырвал автомат. Перемахнули через ограду. Затем опять выбежали на какую-то дорогу. Идём, темно. Прислушиваемся. Вроде бы никто нас не преследует. Я и говорю Простащуку: «Слышишь, Вася, как у меня сердце бьётся... Так радостно, вроде бы я уже у себя дома».

Бежавшим из лагеря помогают итальянские друзья. Они встречают их в условленном месте, первое время прячут в подвале частного гаража, доставляют им туда пищу, вооружают итальянскими автоматами, карабином и ручным пулемётом.

Через несколько дней Саржина, Межевицкого, украинца Николая и Простащука итальянец-проводник доставляет в глубокое ущелье, поросшее кустарником. Здесь они встречаются со своими товарищами по лагерю: Алексеем Коляскиным, Анатолием Тарасенко, Василием Скороходовым — однофамильцем Александра, Николаем Демьянченко, Анатолием Куряниновым, Иваном Логиновым, Василием Куличёвым и другими. Здесь и создаётся первый партизанский отряд из русских военнопленных. Командовать им было поручено Алексею Коляскину. А общее руководство, как впоследствии и другими созданными отрядами, осуществлялось итальянским штабом антифашистского Сопротивления.

Первое время четырнадцать смельчаков, вооружённых автоматами, винтовками, ручными и станковыми пулемётами, гранатами изучали на своей базе иностранное оружие, знакомились

с местностью, вырабатывали тактику партизанской борьбы. Затем русские партизаны стали совершать налёты на малочисленные гарнизоны немцев в окрестностях Рима и Монтеротондо, устраивали диверсии, засады на дорогах, нападали на автоколонны. Постепенно отряд пополнялся за счёт новых беглецов из лагерей. Наступило время, когда его трудно стало скрывать. В штабе антифашистского Соппротивления решили рассредоточить людей, скрыть их до времени в более безопасное место. Дело в том, что местные коммунисты берегли и накапливали силы для организации вооружённого восстания в Риме, в котором должны были принять участие и русские партизаны.

— На тридцать шестой день нашего пребывания в ущелье, — продолжает Сергей Иванович, — приезжает к нам товарищ Франческо де Цуккори, который действовал по поручению итальянских коммунистов. «Алессио, — говорит он нашему Коляскину, — вам тут больше оставаться нельзя. Давайте рассредоточиваться. Четырёх ваших людей мы переправим в Рим, а остальные перейдут на другую сторону города Монтеротондо, южнее. Там у нас есть английские партизаны — ваши союзники. Давайте подбирайте людей — кого куда».

Коляскин отбирает четырёх: меня, Васю Куличёва, Ивана Логинова и Ваню Скороходова, позже погибшего в одной из операций. Мы следуем за Франческо. Идём осторожно, с интервалами. Итальянцы всюду обеспечивают нам безопасность в пути: выставили своих дозорных, подают сигналы — можно ли или нельзя дальше идти. Долго нас водили по разным конспиративным квартирам, пока мы не пришли в виллу Тай, или виллу «Трёх слонов», как ещё её называли итальянцы. И называли её так потому, что под карнизом здания было скульптурное изображение трёх слонов, как бы подпиравших арочную крышу.

Здесь мы и жили некоторое время под охраной Алексея Николаевича Флейшера. Поместил он нас на чердаке. Три дня жили почти без воды и пищи. Какой был раньше припас, съели. На четвёртый приходит к нам Червонный и приносит кастрюлю с макаронами, немного хлеба, воды. Просит экономить еду. Объясняет, что сейчас трудно стало с продовольствием.

И тем не менее Флейшер как мог доставал его. Он хорошо знал Рим, русских эмигрантов, живших в нём и его пригороде. Кого считал надёжным и полезным, привлекал к своей деятельности. Он держал связи более чем с сорока конспиративными квартирами. Флейшер и некоторые его соотечественники в годы эмиграции поняли, что нет у них большей родины, чем Россия, и поэтому делали всё, чтобы вновь обрести её. Они многое читали и слышали о советской стране, хотя бы из того, что позволяла печатать иностранная цензура, понимали, что их родина стоит на совершенно новом пути общественного и социального развития. И это подымало в них чувство патриотизма, не схожее, разумеется, с тем, которое десятилетиями навязывали им главари эмигрантских организаций за границей.

— Девять дней мы прожили на чердаке виллы Тай, — продолжает вспоминать С. И. Саржин. — А на десятый к дому подошла машина. Никем не замеченные, мы сели в неё и через некоторое время она доставила нас в поле. Смотрим, а тут собрались наши ребята. Подбегает к нам Коляскин. Обнимаемся с ним, смеёмся. Он говорит: «Смотри, Серёжка, какая у нас армия стала. А сколько оружия всякого. Одних только гранат три автомашины. Есть даже миномёты. Организуем отряд в целую тысячу, дай только срок!»

А кстати надо сказать, откуда столько оружия у нас появилось. Тогда итальянский генерал Пьетро Бадольо, как известно, пошёл против Гитлера и Муссолини. Благодаря ему нам и досталось много всякой военной техники. Тут-то мы и зажили. Каждый день к нам стали поступать всё новые и новые люди. Коляскин всех брал на учёт. Штаб свой организовал. А вскоре приезжает к нам один из итальянских коммунистов, сказывался, что от самого Тольятти. Он предложил Коляскину решительнее действовать против немцев, дать почувствовать им нашу силу у них в тылу. На это Коляскин ответил: «Давайте задание. За нами дело не станет»...

Требование действовать активнее вызывалось тем, что англо-американские войска, высадившиеся на юге Италии, с каждым днём всё ближе подходили к Риму. И ясно, что партизанские операции в тылу были бы кстати, содействовали бы быстрейшему разгрому фашистских войск.

Действовали мы вначале на дорогах, ведущих в Рим. Помню, пошло нас человек восемь в засаду подбивать немецкие машины, доставлявшие в Рим подкрепления, боеприпасы и продовольствие. Делали это так. Раскидаем «ежи» по дороге — это такие металлические колючки, которые прокалывают шины. Остановится шофёр, солдаты начнут выяснять причину или менять баллон, в это время мы и начинаем уничтожать их. Таким путём добывали себе и продовольствие, оружием и боеприпасами пополнялись.

Таких операций мы проделали много. А в начале июня 1944 года дали последний бой гитлеровским войскам, отступавшим из Монтеротондо. В этом бою мы разгромили большую

вражескую автоколонну, уничтожили два танка. Один из них был подбит лично нашим командиром Алексеем Коляскиным. Тогда же взяли в плен сотни две немцев. Город Монтеротондо мы освободили вместе с итальянскими антифашистами.

А потом направились в Рим, где наши партизаны заняли виллу «Трёх слонов». Смотрим и своим глазам не верим: над ней развевается наше Красное знамя, а с балкона несутся лихие русские и украинские песни. Здорово это нас обрадовало. Ведь подумать только: Победа!

...Летом 1944 года итальянцы тепло провожали русских парней на родину.

Перед отъездом им устроил приём в своей резиденции и папа римский Пий XII. Они были приглашены в числе представителей итальянского антифашистского Сопротивления и союзнических войск, воевавших против гитлеровской коалиции. Только трое из близких друзей Сергея Ивановича Саржина не дожили до радостного дня и не вернулись на родину — это Василий Скороходов, Николай Демьянченко и Анатолий Курепин. Они спят вечным сном на кладбище деревни Фонтано возле местечка Палестрино. Над могилой русских партизан возвышается скромное надгробие, увенчанное символом Советского Государственного герба — серпом и молотом и пятиконечной звездой, высеченной на граните. У постаментов памятника всегда живые цветы. Их приносят сюда благодарные советским людям итальянки и итальянцы.